

Глава 3. Колдовство

Я виновато пообещал дяде не подниматься больше на выступ, к отверстию, из которого был виден иной какой-то мир, но про себя решил, что обязательно послушаюсь. Уж больно смутила меня дядина коллекция засушенных людей. Я просто не знал, что и подумать.

Отпуская меня в тот день из своего Кабинета, дядя довольно сурово и назидательно произнёс:

- Я понимаю, что тебя может терзать чисто детское любопытство. Ты что-то странное увидел... Но вот что я тебе посоветую, - в его голосе прозвучали нетерпение и угроза: - не лезь ты лучше в чужие дела! Не лезь!.. Те ночные отсветы... Они метались сегодня ночью по нашему небу! Это отсветы ФАР! Иначе: взрывов! Что может быть хуже?.. Я скажу тебе больше... Бог Люстра тобою недоволен... А те золотые и серебряные точки, что ты видел на чужом чёрном небе, - это страшное, ужасное чудовище, которое сторожит вход в тот мир от таких неосторожных, как ты! Попробовал бы ты высунуть из дыры в скале руку - тотчас бы остался без неё!

Но я уже верил и не верил дяде.

Я собирался теперь тайком приходить к той матерчатой, плотной стене и смотреть на незнакомый мне мир. Однако то, что случилось к вечеру, совершенно перебило моё исследовательское настроение.

Вечером, когда Люстра уже давал нам свой свет, казавшийся мне теперь скучным, вялым и надоевшим, я сидел на краю горы, под названием Стул - она была примечательна обширной пещерой, со стороны долины Центральной, - и раскачивал ногой в ожидании ужина. Как вдруг я увидел, как со стороны горы Кресла, из дядиного Кабинета, показалась Живулька! Мне было странно, что она пропала у дяди, а я был там и её не заметил, хотя и нашёл двух засушенных людей. Где Живулька могла сидеть около суток, не подавая своего голоса? Впрочем, дядин Кабинет со скатом, пол в нём не ровный, и очень может быть, что дядя держал девочку в каком -нибудь большом ящике. А брела она в мою сторону, очень смешно и несмело передвигая ноги, будто в нерешительности: повернуть назад или топтать дальше!

Честное слово, сам не ожидал, что так обрадуюсь появлению Живульки! Весь этот день я сторонился моего друга Бурого, потому что думал, что это он донёс дяде о моём пребывании на выступе. Да и не хотел я, чтобы он увязался за мной к Двум Деревьям. А тут вспомнилось вдруг мне, какими живыми обычно были глаза нервной и вечно всем недовольной девчонки и подумал, что как раз ей-то и следует обо всем рассказать. Она не разболтает, потому что не очень жалуется отца своего, а он - её, а соображает Живулька быстро. И всё же я не выдержал, повернулся к Бурому, который сидел над долиной, напротив меня на краю Дивана, тоже свесив ноги, как всегда неуклюжий, пыхтящий и толстый, и радостно оповестил его: "Живулька объявилась!"

Мы с ним так и поскакали с метеорита на метеорит сверху вниз до самой земли наперерез девчонке! Так что лысая голова Бурого, казалось мне, даже вытягивалась на лету. А я вам разве ещё не рассказывал, что мой друг, весь

заросший шерстью, от верхней лапы до нижней и от плеча до кончика короткого хвоста, имел абсолютно лысую голову?

Он был настоящим плюшевым медведем - об этом проговорился Лепетайло, хотя дядя и внушал нам, что Бурый человек! И поэтому должен постоянно бриться и стричься. Вот дядя и стриг его. И мы сочувствовали Бурому. Ведь, сняв с него волосы, дядя сделал его таким уродливым! Впрочем, я тоже был уродцем. Это не давало мне право смеяться над Бурым, но смотреть на него после очередной стрижки всё равно было неприятно.

И вот теперь, спрыгнув на тропу в долине перед самым носом Живульки, мы с другом просто обалдели. Потому что вдруг увидели, что девчонка стала ещё уродливее, чем была. Она возвращалась из Кабинета дяди, но было явно, что он вовсе не лечил её там от бородавок! Теперь глаза Живульки закрылись! С чего бы это? И закрылись таким ужасным образом, что представляли собой ничто иное, как вмятины!

Я не понимал, что с ней и находился в тихой панике, и лишь негромко спросил её:

- Где ты пропадала?

Она, не оборачиваясь, вяло огрызнулась:

- А тебе, не всё ли равно?

Я ответил:

- Какое это имеет значение: всё равно или нет? Где ты была? - Я поймал себя на том, что едва ли не зашипел на неё от волнения. - В конце концов, у меня подданных в Давии раз, два и обчелся! У меня каждый подданный на счету! А тебя не было целые сутки! Может быть, ты шпионить уходила куда или с доносами бегала! А может быть, тебя ранили или убили! Я император будущий, я всё должен знать!

Она отвечала мне всё так же грубо:

- Если тебе некем становится править, иди - завоюй карликов или эльфов! Что, боишься? И - какой из тебя император? Вместо тебя отец мой правит!

Карликов и эльфов, умевших колдовать, я действительно боялся. И то, что дядя всюду подменял меня в делах - тоже было правдой. Но гораздо более страшился я ответа Живульки, что она ослепла.

Но она этого не сказала. Ковыляла кое-как, нашаривая палкой дорогу, шла и шла куда-то упрямо и сосредоточенно, должно быть, к себе. И то ли клокотала в ней обычная её злость, то ли нет. Ничего я понять не мог. Меня только и беспокоило, как она метеорит сможет поймать, чтобы подняться на свою скалу. И я хотел уже ей помочь, как она почти без труда справилась с этой задачей! Хватила по одному пролетающему палкой, прижала его к земле, потом ловко скакнула на него, как в седло, и была такова! И всё же я не решился бросить её и надумал проводить до столь любимых ею Двух Деревьев. А заодно спросить её о портрете, зарытом в землю.

Я тоже оседлал метеорит, но Живулька, почувствовав, что я сопровождаю её на некотором отдалении, не оборачиваясь, начала резко сопротивляться, закричав мне:

- Иди, иди лучше к своей Груше! Она теперь у нас единственная красавица! Может быть, и полюбит она тебя когда-нибудь, скелета облезлого!

Никогда прежде не напоминала мне Живулька, что я - скелет, и мне стало ужасно обидно. Я ведь не виноват, что таким родился. И я крикнул ей, поворачивая свой пылевой шар назад:

- А Груша, между прочим, давно уже за мной бегаёт! - Я хотел хоть чем-нибудь задеть девчонку, и в то же время мне было ужасно её жалко. Со вздохом посмотрел я ей во след. Но Живулька решила и на этот раз, конечно, в долгу не остаться и громко расхохоталась. Это было так на неё похоже, что создавалось ложное впечатление, будто бы и беды-то с ней никакой не приключилось. Но я же видел собственными глазницами, что глаза её были закрыты и запали. И в то же время ничего не мог поделать, чтобы заставить её поделиться со мною своими тайнами. Она явно мне не доверяла! А может быть, и не любила меня. Другое дело - Груша!...

Именно в последнее время, как стал я приближаться к своему четырнадцати с половиной летию, Груша, которая раньше вечно меня сторонилась - всё свободное время она сидела за уроками или проводила в обществе дяди - вдруг начала проявлять ко мне не просто интерес, а усиленный интерес.

Если честно, этот интерес даже немного пугал меня.

Груша!... О, Груша! Какими словами описать вам “мою” Грушу?

Она была среднего роста и пухловатая. С узкой талией и узкой грудью, но округлым толстеньким лицом. Вечно ходила она с розовым румянцем на золотистых щеках и многозначительно, опустив глаза в землю, улыбалась, как бы одновременно и всем, и никому.

Понять ли вам, что я испытал, когда она однажды подбежала ко мне после уроков у Понуры и, направив свои золотые глаза в мои пустые глазницы, совершенно напрасно поискала мой взгляд и улыбнулась - мне?!... А я... Я, честное слово, был давно влюблён в Грушу. А в кого ещё было мне влюбляться? Живулька никого не подпускала к себе ближе, чем на несколько шагов. А других девочек в моём государстве не было...

На Грушу всегда так радостно было смотреть! Она была свежей и чистенькой, тщательно умытой. И такой многоцветной! Что было очень важно у нас, в Давии! Наряжалась она только в заграничные платья, которые мой дядя, один Бог Люстра знает, где для неё раздобывал. Груша была его любимой дочерью.

Немногословная, как все в Давии, кроме меня, она не мудрствовала никогда, не грубила никому, как ядовитая штучка Живулька, она просто улыбалась, сея вокруг себя золотистый приятный свет.

Когда живёшь жизнью скудной на события и радости, можешь полюбить и скучного, очень молчаливого человека. Потому что придаешь ему массу достоинств, которых у него, может быть, никогда и не было. Невольно припишешь ему и мысли, которые никогда не возникали у него в голове, и поступки, которые он не совершал. Вот именно потому, что Груша слишком

много молчала, я и одарил её всевозможными добродетелями, и не мог в ней разочароваться, и очень смело уподоблял её себе.

Ну а то, что она меня не любила, принимал стоически, без жалоб. Разве меня можно было любить?

И лишь когда Груша вдруг начала проявлять ко мне неожиданный интерес, смелый и столь не вязавшийся с её прежним поведением, я испугался. Я думаю, это потому, что иных людей мы можем любить только в их открытости. А некоторых только в их закрытости. Как бы на расстоянии, когда они нам совершенно недоступны. Нам хочется их любить, но нам не хочется ими обладать. Когда Груша вдруг пошла на меня в атаку, она показалась мне навязчивой и агрессивной.

Вот, например, недавно я впервые в жизни увидел свою кровь. До этого я думал, что скелеты, то есть китайцы, крови не имеют. Что во мне нет ничего, кроме костей, окруженных пустотой. А тут я порезался о свой острый ножик, который по-рыцарски всегда носил на ремне, обернутом вокруг талии, и очень удивился при виде крови:

- Как похожа она на чай в моём стакане! - Сказал я в каком-то восхищении. - И какой чудесный нежный цвет! Алый, кажется. Как бы я хотел, чтобы у меня был такого цвета плащ, который бы трепетал за моей спиной, когда я летал!

Мне было немного больно, но я веселился. Рана была глубокой, но я не испугался. А Груша уже хлопотала вокруг меня: она промокнула рану своим белым платком и сказала (я тогда едва ли не в первый раз в жизни услышал её голос):

- Я повешу эту тряпицу возле огня на Кухне. Мой отец учил меня кое-какому волшебству. Когда кровь на тряпке засохнет - от тепла, она и течь перестанет!

Груша так редко раскрывала свой рот раньше, что мне показалось: она ради меня только и разговаривать научилась. Она ведь всегда даже игр детских избегала. Только училась и училась с утра до ночи. С Лепетайло она разговаривала на его языке - кошачьем, с Понурой - на его, и очень старательно, единственная из всех нас, отвечая ему, хрюкала. Мы, правда, тоже на экзамене всегда хрюкали, но что именно и сами не ведали, всё, что в голову взбредёт. Хрюк да хрюк! И только одна наша Груша постигала в хрюканье Понуры и высшую математику, и астрономию! И свинячью поэзию!

... А потом как-то раз Груша ещё сказала мне, тоже улыбаясь:

- Пойдем, погуляем после уроков?

Я обрадовался: пойдём. А она привела меня в одно потаенное местечко долины, за гору Тумбочка, и вытащила из кармана какой-то коробок, а из него палочки, вроде тех, что держала в руках Холодайка.

- Это спички, - сказала мне Груша как бы по большому секрету и улыбнулась таинственно. Лицо её ещё больше округлилось от этой улыбки, и щеки легли толстыми кошачьими складками. Мне даже неприятно стало на неё смотреть. - Последние спички отца. Для тебя украла. Чтобы показать.

Я в удивлении глядел на огонь. На то, как он из-под палочки появляется. Я восхищался. Огонь дядя держал на Кухне, куда вход нам был запрещён. Хотя - что может быть красивее многоцветного огня?

И тут Груша повторила, обнимая меня за шею одной рукой, что она специально для меня украла спички и коробок. Возле костра нам стало так горячо! Я лично словно опьянел. И тоже осмелился притронуться к Груше - взять её своими костлявыми пальцами за руку. Вид огня возбуждал, придавая мне необычайную смелость. Смелость охотника.

Я боялся, что Груше станет неприятно моё прикосновение - ведь что хорошего в том, что тебя держит за руку скелет - китаец? И Груша действительно отняла свою руку. Но вскоре выяснилось: не потому, что она меня боялась. Ей нужны были обе руки, чтобы быстренько отрезать от своей светлой косицы хвостик и потом его сжечь.

Эти действия сильно напоминали волхование. Но я был слишком одурён огнём, чтобы противиться всяким девичьим глупостям. И только когда Груша заставила меня вдохнуть дым сгоревших волос, я вдруг понял, что она пытается меня приворожить.

Я очнулся. Едкий дым протрезвил меня. И меня поразила Грушина расчётливость. Я и так в неё влюблён. И она давала знать мне, что и я ей не безразличен. Так зачем ещё колдовство? Зачем меня привораживать, так сказать, с гарантией? И мне всё это не понравилось. И её скоро созревшая любовь, и хитрость... Потому что я всегда считал, что человек не кукла и должен полюбить своими живым сердцем. А иначе любовь не будет настоящей. Игрушечной будет, кукольной. Ведь даже я полюбил, хотя сердца у меня нет, не видно между костями грудной клетки.

Я захотел уйти. Тем более что палёные волосы пахли просто ужасно, но Грушенька не сдавалась. Она словно научена была кем-то, что делать дальше. И ещё прежде, чем я поднялся с земли, она обхватила меня за плечи обеими руками и с силой стукнула моей головой о свою. И это тоже была примета. Люди бьются головами, когда хотят жить вместе. Но я жить вместе с Грушенькой не хотел, я повторяю. Я хотел любить её издалека, через долину. И я более никогда старался наедине с нею не оставаться. Слишком пугала меня Грушенька.

Поэтому так обидны мне были слова Живульки:

- Иди - иди к своей Груше!

Словно она меня ревновала. Но так как Живулька меня никогда не любила, значит, и ревновать она не могла. Нет, не имело никакого смысла меня обижать. Лучше бы мы обменялись впечатлениями по поводу того, что творилось в королевстве.

Но в этот вечер я так ничего и не сделал из того, что собирался: ни заглянуть в окно на стене, возле Двух Деревьев, ни поговорить с Живулкой о том, куда делись её прекрасные глаза. Ой... Что это я? Зачем я говорю о том, чего не знаю! Девчонка вела себя так, словно слепой вовсе и не была! Двигалась уверенно и смело! А глаза её всё ещё были закрыты, словно она их потеряла... Дядя молчал. Лепетайло, Бурый и Понура тоже. Все вели себя

таким образом, будто бы глаза девочки были на месте, на её лице под бровями, под веками.

А мне в тот вечер то и дело вспоминались те два, словно родных мне, блестящих глаза на павлиньем веере дяди, которые я обнаружил в то мгновение, когда освобождал Записную Книжку от тяжёлого пресс-папье. А не Живулькины ли это были глаза?... Нет, не может быть! Я, конечно, знал, что дядя мой умеет колдовать, но был уверен, что он делает это так, чуть-чуть, от скуки и ради смеха, как иной человек умеет делать карточные фокусы. А чтобы решиться забрать у человека глаза и переместить их на веер, надо было отважиться на страшное. На преступление. Поэтому мне было проще считать, что я ошибся, и девчонка не открывает глаз из вредности, для того, чтобы нас всех пугать. А возможно, желая отплатить отцу. Всем было известно, что она его не любила. Вот и желала, может быть, навести на него тень наших подозрений. И кто знает, возможно, просто давала нам всем понять: как надоело ей смотреть на жизнь в нашем государстве...

Но странное дело - с этого вечера что-то будто бы случилось и со мной!

Я уже несколько дней хотел поговорить по душам с Живулькой, но у меня словно бы не хватало силы и воли совершить задуманное. Я, например, направлял свои стопы к скале, на которой росли Два Деревя, и тут же останавливался и изменял свои намерения. Передумывал, или же что-то отвлекало моё внимание. А иногда я просто вдруг забывался и начинал размышлять о другом.

Несколько дней я не мог понять, в чём причина моей нерешительности. Пока не начал опять подозревать моего дядю. Дело в том, что, проснувшись однажды ночью, через несколько часов после того, как Живулька вышла из его Кабинета с закрытыми глазами, я увидел, что и он не спит. Но мало того, что не спит, а лежит, допустим, в своей постели! Дядя сидел напротив меня, скрестив ноги, не сводил с меня своих страшных застывших глаз и приговаривал, будто колдовал: (правда, очень тихо):

- Не получится!... Не будет!... Не станет!... Не захочется!...

Я не понимал, что он хочет от меня, и лишь догадывался, немея перед его смелостью, что он наводит на меня какую-то порчу!

“Не получится! Не будет! Не станет! Не захочется!”

Конечно, следовало бы на утро подойти к нему и спросил напрямик: что он делал возле моей постели. И чтобы он ни ответил, из уважения к нему воспринять ответ с доверием и почтительностью. Но в последнее время столько всего случилось неприятного и откровенно странного, что я стал бояться разговаривать с Изъедухой.

Поэтому я решил наблюдать и молчать. Но на всякий случай всё-таки обратился к моему королевскому библиотекарю: а он-то знает: чего добивается дядя своими приговорами.

Библиотекарь редко отвечал на наши, детские, вопросы. Ему дядя не велел. Но на этот раз у него было хорошее настроение, и он промолвил:

- Мурр-рр! Мурррр! - Он сказал это с удовольствием, потому что только что поймал жирную мышь.

Другой бы ничего не понял. Но я по дядиному совету всегда смотрел говорившему в глаза, словно пронзая их, и поэтому давно выучил кошачий язык. Наш библиотекарь был большим чёрным котом. Мне вообще давно казалось, что он хорошо относится ко мне. И тоже в свою очередь пронзал меня, когда хотел меня понять. Из его “мур-мур” я понял следующее:

- Твой дядя, мой дорогой, явно хотел сбить тебя с прямой дороги. Он занимался рядом с тобой своими магическими упражнениями, потому что хотел, чтобы ты всю жизнь ходил по жизни кругами, никогда не добираясь до истины!

Я поблагодарил библиотекаря глазами, понимая, что более этого “мур-мур” он ничего мне не скажет. И так о многом проболтался!

Вот и выходило с этого дня: я хотел заговорить с Живулькой о дядиных тайнах и не мог, как ни старался. В школу она ходить перестала, а добраться до Двух Деревьев я не сумел.

И хотя я по-прежнему ничего не знал толком, я уже начал понимать, что мой дядя не просто колдун, а колдун злой... Что ж, одно вполне сходилось с другим: если ты владеешь даром магии и при этом ещё и недоброжелателен к людям, рано или поздно ты превратишься в ведьмака. Так что нечему удивляться.

Однако дядя не мог мне помешать поговорить с другом Бурым. И вот заведя однажды его на высокую вершину горы, внутри которой хранилась наша государственная библиотека, я, глядя вниз, на всю свою страну, мечтательно спросил Бурого:

- Пообещай молчать! Не доноси на меня дяде, пожалуйста!

Бурый и молчал. Тогда я спросил его:

- А ты хотел бы увидеть другие страны?

Бурый опять молчал. Я видел, что он смотрит на меня своими маленькими вредными глазками и о чём-то напряженно думает, но не понимал, почему он мне не отвечает. Словно бы я впутывал его, по крайней мере, в государственный заговор, а он этого боялся. Наверное, он бы как всегда отмолчался, а я перевёл разговор на другое, но вдруг пасть его открылась, и он проревел, как обычно режут плюшевые медведи с пищалками вместо сердца:

- Ты, наверное, решил тогда, что я проболтался?

- Когда? - Удивился я.

- Когда твой дядя проведал о твоём открытии иного мира за скалой?

- Ничего я на тебя не подумал! - ответил я мирно, не желая с ним ссориться. - Ты хоть и молчун, но хороший друг мне. Я чувствую это. Я чувствую! Понимаешь ли? Чувствую!

- Да, - согласился Бурый. - Я хороший. И я никогда сам по себе тебя не выдам. Я не хочу тебя выдавать. Не понимаю, как выдаю, но выдавать не хочу. Потому что я люблю тебя, Скелетус. Как и Лепетайло, тебя любит.

- Лепетайло? А при чём здесь Лепетайло?

Но мой друг понёс уже какую-то несусветную чушь:

- Эх, тебе не понять!.. Мы были с ним так, ни рыба, ни мясо... А потом... вдруг... бах-бах... Я, хоть и мало говорю, всё же теперь говорю... А он даже

и не делал попытки заговорить с людьми... А теперь ты его понимаешь. А он тебя. А раньше... Всё было не так раньше!... А дядя сделал, что и теперь не так, как было раньше... И не знаю я, будет ли и дальше так, как было раньше, или нет.

- Когда это раньше? - Спросил я.

Бурый спохватился, что сказал лишнее. Но в отличие от библиотекаря, он был менее хитёр и более прямодушен, поэтому ответил мне:

- Мы с ним знали тебя раньше... Ну, раньше.. Ну,.. раньше...

- Не понимаю я тебя, брат.

- И не поймёшь. Даже не старайся. Просто помни, если возникнут какие-нибудь сомнения на счёт нас: мы с библиотекарем знали тебя раньше. И всё. Так, подойди к нему и скажи: "Ты знал меня раньше!" И он обязательно усомнится.

И больше я слова из него выжать не мог. Он явно хотел, чтобы мне было за что его любить, чтобы я относился к нему с доверием. Но он не мог почему-то объяснить мне, почему я должен ему и Лепетайло верить.

Однако он всё же сдержал своё слово и кое-что важное разузнал именно сегодня.

Он шепнул мне прямо на уроке в ухо:

- Дядя стрижёт меня.

- Я это знаю.

- А волосы мои хранит у себя.

- Ну и что?

- Через эти волосы он всё и узнает. Все наши с тобой разговоры.

Я замер.

- Уж и не знаю, как он так колдует, что мои волосы между собой общаются: ну, состриженные и отрастающие сейчас на мне. Но если ты после урока меня чуть - чуть не окромсаешь, самые кончики шерстинок, боюсь, он и этот наш разговор услышит!

Должно быть, волосы всё запоминают! А потом передают ему. А сам по себе я тебя никогда не выдавал! Ни-ни!

Так, в сущности, и подтверждалась потихоньку моя догадка, что у дяди в моей стране свои собственные эгоистические интересы, свои цели и свои задачи. Что зря мы все ему передоверились.

С каждым днём я всё явственнее понимал, что он вполне мог забрать у Живульки её глаза, а потом посадить их на веер.

Хотел ли он таким образом напугать нас, детей? Не знаю. Вряд ли. Он ведь думал, что мы по-прежнему его слушаемся и следуем только его правилам. Но Живульку он напугать хотел. И не только напугать. Он за что-то хотел её наказать и наказал. Но за что - я даже не догадывался. Вероятно, она чем-то от нас отличалась, была какая-то особенная. Но о чём были её самые тайные мысли - я даже представить себе не мог.

Глава 4. Карлики.

Откуда я узнал, что колдуны существуют на свете белом, если дядя мне о них никогда не рассказывал? От карликов. Несколько лет назад они совершили на нас очередное нападение и взяли меня в плен. Как это случилось? А вот как.

Сами по себе карлики были очень хрупкими. Их прозрачные тела покоились всего на одной ноге. Поэтому они умели передвигаться только тихими и степенными скачками. Но так как это было трудно и связано с риском для жизни, они предпочитали вообще не двигаться. Так и толпились целыми днями на застекленной площадке своей высокой горы Сервант, о чём-то переговаривались и, наверное, от души сплетничали.

Для устойчивости они всегда надевали на ногу хрустальный ботинок, похожий на тарелку. Тела у них были бочкообразные, а лица находились прямо на животе. Их можно было бы без труда обозвать безобразными. Но во-первых, я и сам не был красавцем, поэтому старался не замечать некрасивости других. А во-вторых, они говорили мне, что такими их создал дядя, так что они тут не при чём. В-третьих, я давно уже усвоил, что живу в мире, где все имеют какие-нибудь недостатки. Поэтому старался ко всем быть предельно снисходительным.

Правда, и у карликов бывали минуты, когда они преображались. Обычно это случалось вечером. Свет, испускаемый Богом Люстрой, входил в их полые тела и преломлялся радужными кругами. А я, как вам уже известно, любил в мире его душистое многоцветие. За что дядя называл меня в насмешку поэтом.

К слову, я и был поэтом! Но не тем бестолковым поэтом, что с победным видом без конца рифмует строчки только потому, что они рифмуются. Не тем поэтом пересмешником, что замечет уродство других и с помощью стихов выставляет его на всеобщее обозрение. И не таким поэтом, который именует себя поэтом с важностью. Он дьявольски горд и презирает всё остальное человечество непоэтов... Нет, я был поэтом только потому, что любил людей и идеализировал их!

Как вам это объяснить? Сказать, что я был влюбчив или сентиментален, значит, не сказать ничего. Нет, просто у меня был принцип в жизни, который я выработал очень давно, ещё лет восьми, когда только - только начинал что-то соображать (до этого я жил как во сне) - влюбляться в тех людей, которые хоть раз сделали мне добро.

Маленьким мальчиком, например, я то и дело влюблялся в дядю. Стоило ему только рассказать мне что-нибудь интересное - вот я и хлопаю опять глазёнками, исполненный страшной благодарности к нему. Попробуй кто отозваться потом о нём плохо! Долгое время мне было совершенно не важно, чем: хитростью или лукавством - добивался дядя моего расположения. Стоило ему, например, выдать очередную примету - а я ужасно любил познавать - и я весь его, всеми своими косточками.

Дядя, например, мог с превеликой задушевностью произнести как-нибудь вечером: "Если ветер завывает меж гор, в ущелье, между Кабинетом и

Столom, быть наутро перемене погоды!” Я тут же и отзывался заворожено: “А почему?” - “Примета!” - дядя пожимал узкими плечами и, посмеиваясь, уходил пританцовывающими шагами к себе за стопку книг.

И действительно, если накануне сквозняком сшибало наземь в Центральной долине метеориты, на другой день мы просыпались от холода, стуча зубами, уже ранним - преранным утром.

А я смотрел на дядю восхищенными глазами и умилялся мысли, что он знает ужасно много, да ещё и снисходит до того, чтобы поговорить со мной, невежей.

Стоило же моему дяде преподнести мне какой-нибудь незначительный подарок - затейливую пылинку или ниточку, как я уже просто мечтал умереть за него, не сходя с места.

Так же, впрочем, любил я и своего друга Бурого, и Живульку, хотя мне неприятно было бы ей в этом признаться, и библиотекаря Лепетайло, и учителя Понуру, и, конечно же, милую и занятную Грушу... Их было немного - жителей Давии. Чаще они бывали мною недовольны. Но я обожал их уже за то, что они не похожи на меня. Я ведь долгое время вообще полагал, что уродливее меня нет никого на всём белом свете - меня, скелета - китайца.

Я искренне наслаждался видом их глаз, ресниц, рук и ног, лап или горбатых меховых спин - всего того, чего не было у меня самого. Я был просто счастлив при мысли, что у них всё это есть! Есть, в то время как сам я представлял собою лишь голые блестящие кости. И я благодарил Бога Люстру за то, что он не отказывается светить нам всем, красивым и некрасивым.

Поэтому не думайте, что мне легко дались мои подозрения на счёт дурных свойств моего дядюшки. Я ужасно не хотел в нём разочаровываться!

А про Бурого я всегда думал только хорошо. Как бы он себя иной раз не вёл. У него была, например, сила зверя. И я приходил в настоящий восторг, когда он поднимал меня на руки как пушинку и носил по всей долине.

У Груши было всё, кроме фантазии и самостоятельного ума - слишком уж она была послушна воле дяди. Но так как она по большей части молчала и к нам не лезла, я мог любоваться ею помногу часов в день, сидя где-нибудь на горе и заглядывая в Кабинет, где она учила уроки, как замечательной и редкой картиной.

В Живулке было по макушку упрямства и независимости. Эта, наверное, выжила бы и на необитаемом острове. Но я любил её внутреннюю силу, которой не было у меня. Её волю и её способность всё подмечать и ничем не делиться, всё держать в себе.

Что же касается библиотекаря Лепетайло, то гибче его никого в Давии не существовало. Краше его блестящей чёрной шерстки ни у кого не было. Он один, силою своих высоких лап, мог вспрыгнуть на какой-нибудь выступ на скале, добираясь порой до самого белого неба. И никогда не зазнавался.

Я всегда говорил себе, что правитель должен любить свой народ, и честно любил его.

Карлики были мне интересны по-своему. Они умели не только переливаться, но и мелодично вызванивать.

Они жили за прозрачными стенами у всех на глазах. Но так как у любого народца всегда имеются какие-то особенные тайны и секреты, то карлики научились разговаривать между собою не голосами, а чудным звоном своих хрустальных тел. И я бывал просто очарован музыкой их тел, и оставлял все дела, когда они начинали таким образом переговариваться.

Ах, как всё-таки я был жаден до любого проявления жизни в Давии! А наш Давский мир был ужасно несовершенен и скуден на события и предметы! Невнимательному глазу, конечно, могло казаться, что в нём идёт бурная и активная жизнь, но только не мне!

Карлики, например, время от времени затевали с нами войну. Ничего, впрочем, от нас не требуя. Сначала я думал, что, метая в нашу долину со своей горы молнии, они просто жаждут проявить свой мерзкий характер. Мы, люди, вообще-то не давали им никакого повода для нелюбви, жили тихо и мирно!

Но потом я стал кое о чём догадываться...

Дядя всегда охотно отвечал на их выстрелы! Никогда, будто из принципа, не ведя с ними никаких договоров. Он насылал на них груды золотых ос с железными жалами. Такие ручные были у него осы - с надписями - именами на их кругленьких телах: "Один рубль", "Два рубля", "Пять рублей"... Осы метко врезались на лету в карликов и разбивали их тела на тысячи мелких и звенящих осколков. Но на утро карлики оживали! Из этого я сделал вывод, что тела карликов кто-то за ночь восстанавливает.

И вот додумался я и до того, что где-то на одной из Полок, живёт какой-то волшебник - карла, который за ночь карликов склеивает. Да так аккуратно, что даже шрамов на их телах не видно!

К-то раз я предложил нашему молчаливому библиотекарю, который явно в шутку был прозван Лепетайло, посадить меня на свою спину и скачками поднять до Полок. Он как всегда иронически взглянул на меня своими зелёными умными глазами и потерся о моё плечо боком, потом сказал: "Муррр!", что означало согласие. Он будто бы всегда жалел меня. Хотя я никогда не чувствовал себя обиженным и несчастным. Но бедный котик словно бы знал, что меня всё равно следует жалеть...

... И вот однажды ночью, когда дядя развёл нас всех по постелям и строго - настрого наказал спать, мы с котиком поднялись и незаметно подобралась к скале с Полками. В несколько мягких прыжков достигли мы одну из полок, самую дальнюю. И что же мы увидели?

Мой собственный дядя сидел к нам спиной и мирно склеивал бока одной разбитой "карличихи".

Увиденное (то, что я подглядел, так и осталось для дяди тайной) потрясло меня! Я совершенно не понимал: как можно было совместить в моём детском уме, не терпевшем никаких противоречий и всегда стремившемся к гармонии и ладу со всем, то, что утром дядя убивал наших давских карликов, выводил их из строя, перешибал своими осами их хрустальные ножки, а ночью сидел и, не покладая рук, трудился над их восстановлением?

Разве это была настоящая война?!.. Настоящая жизнь?!..

Но так как мне всегда было свойственно облагораживать мир своей фантазией, всячески оправдывая все его нелепости и несправедливости и вообще идеализировать, я и сочинил трогательную историю о том, что дядя мой заколдован. Что он и сам был некогда карликом, но сбежал от своих вредных сородичей. И за это карлики преследуют дядю, хотят убить его, отомстить ему. Они нападают на него днём, мечут в него свои молнии...

А молнии у них были такие - длинные серебряные палки с тремя наконечниками на конце, похожие на вилки, которыми мы пользовались за обедом, но только огромные. Такими и убить можно. Так что на самом деле, придумал я и это!, карлики как будто даже и не шутили с нами. Воевали всерьёз.

Правда, никогда они ни в кого не попадали. От их молнии легко увернуться можно было... Однако ночью карлики всё-таки дядю донимали. Они заколдовали его таким образом, что именно по ночам он всегда вспоминал о своём родстве с ними и великодушно ремонтировал, возвращая к жизни убитых.

Долгое время я думал очень красиво о моём дяде, от души облагораживая его облик. И действительно я очень любил его. Пока не стал замечать за ним некоторые его странности, о которых я вам уже рассказал. Но это когда ещё случилось! А до четырнадцати с половиной лет я просто боготворил моего дядю и во всём был ему послушен.

Мне даже не приходил в голову, что он и сам может быть недобрым колдуном!

... А потом мне захотелось ещё раз посмотреть на то, как дядя работает на дальней Полке, мы поднялись с Лепетайло повыше. И тут-то я попался в плен к карликам!

Лепетайло меня бросил, оставив в их руках. Он был выше, громаднее каждого из них, но он ужасно боялся дядю. И, кроме того, он не был настолько кровожаден, чтобы перебить их всех, смахнув, например, с Серванта на землю своим хвостом. А карлики связали меня и повели в свою пещеру.

Самый главный из них, которого я никогда не видел прежде, был раз в десять выше меня, тоже прозрачный и хрустальный, как и все остальные - хрустальный и полый. В нём ни крови не бултыхалось, ни воды. Широкий, пузатенький книзу, с очень длинной, не пропорционально длинной спиной и шеей. Впрочем, лицо у него находилось как раз там, где и должно быть лицо у всякого - на хрустальной крышечке с помпончиком, тоже хрустальном.

Он и стал меня допрашивать.

- Ага! Ага! Хочешь проникнуть в наши тайны?! Следил за нами?!

- Не за вами, а за дядей, - сказал я, страшась, что карлики, как ни раз обещали, заруют меня, распиленного на части, в недрах своей горы, и никто так и не узнает, где могилка моя.

- Ну и что твой дядя? - С хищной улыбкой любопытствовал главный.

- Что ты о нём узнал? - От нетерпения он звонко кляцкнул своими длинными хрустальными зубами.

- Он оказался ещё более хорошим, чем я думал. - Честно признался я.

Но карлики почему-то расхохотались.

- “Ещё лучше, чем я о нём думал”, - передразнили они меня. - Ещё лучше, чем он о нём думал! О, Бог Люстра! Этот мальчишка совершенно лишён ума и воображения, если полагает, что его дядя хороший человек!

Мне было непонятно, почему они так не благодарны, почему так плохо отзываются о моём дяде, который сделал для них столько хорошего! Он их чинит, склеивает! А они!..

В общем, я был тогда ещё, конечно, настолько глуп и наивен, что определял характеры людей по их явным поступкам. Ничего не зная о том, что люди могут поступать хорошо, даже держа про себя не добрые побуждения и цели, я заревел:

- Мой дядя - изумительный! Он превосходный челове-е-ек!... - Упрямо повторял я, размазывая по лицевым костям пыль, смешенную со слезами.

Но карлики только рассмеялись в ответ.

Удивительно вспоминать это сейчас, но я не представлял, как выживу в мире с убеждениями, что мой дядя плохой. Мне вовсе не хотелось жить в таком мире. Слишком уж страшно мне становилось. Ведь дядя играл большую роль в моей жизни! Фактически он был единственным взрослым в моём окружении, единственный взрослый - человек. Я просто обязан был верить в то, что меня окружают друзья, и что я никогда не буду предан ими. Как? Каждое утро просыпаться с мыслью о том, что мне не на кого надеется, только как на самого себя? Меня могло взять отчаяние!

А карлики, собравшись вокруг меня, смеялись, гоготали, показывали своими хрустальными пальцами, называли меня “скелетом - идиотом”... А я... я просто не мог подло предать своего дядю, назвав его по первому же их навету дурным человеком.

Я ведь не знал своих родителей. Я не помнил их. И я словно бы родился с убеждением, что мне-то как раз сильно повезло, потому что мой дядя - славный, идеальный человек! И до этого, даже если дядя поступал как-то не так, я всегда его оправдывал и перед Живулькой, и перед Бурым с Лепетайло. Мне казалось, что настоящая любовь всегда оправдывает.

И тогда вредные карлики, видя, что я не сдаюсь, встали в позу, они сказали мне через гордо оттопыренную губу:

- В общем, мы тебя, Ваше Высочество, не отпустим, пока ты не признаешь, что твой дядя - гад и мракобес!

Вот этого я уже стерпеть не мог. И я, слыша эти оскорбления, стал выворачиваться из верёвок, желая пнуть самого ближнего ко мне карлу. Я упорствовал и упорствовал, пока, наконец, главный карлик ни покачал в удивлении головой - хрустальной крышечкой:

- Ну, ты, Ваше благородие, и дуралей! - От души сказал он и покрутил возле своего виска хрустальным пальцем, будто сверлом. - Быть таким простаком! Простофилей! Чудиком! Олухом и придурком!

У тебя, брат Принц Скелетус, никогда, наверное, уже в мозгах не прочистится, я так думаю.

Слишком уж ты доверчив! Ты всегда сам будешь виноват во всех своих несчастьях!

Нам-то что? Нам всё равно: кто твой дядя, и какой он. Злой ли он колдун, или милая отзывчивая фея в юбочке.

Мы им к жизни вызваны лишь на время! Мы своё дело сделаем и опять ляжем себе спокойно в нашу общую коробочку. А вот ты должен о себе позаботиться. Потому что на самом деле ты очень одинок. И перед тобой два пути. Я тебе это говорю, хотя от дяди мне не поздоровиться, когда он узнает, что я тебя предупредил. Но ты или проживёшь долгую и счастливую жизнь или исчезнешь очень скоро, в четырнадцать с половиной лет...

Вот тогда и прозвучала впервые эта цифра. Однако может быть, о того, что карлик говорил одними намёками, без полной ясности, я, тогда мальчик лет восьми или девяти, ничего из его слов не понял, не сделал вывода, что моей жизни что-нибудь угрожает. Мне казалось, что злые карлики просто меня запугивают, из вредности. Завистливо желают поссорить с дядей.

И в правду маленький дурачок, я обратил внимание только на одно слово - "колдун". Чудное слово! Я никогда его не слышал раньше, и я спросил:

- А кто такой "колдун"?

Карлики опять загоготали, загудели, кто во что горазд. А я зажмурил глаза от удовольствия - как прекрасно звучал их хрустальный смех!

И тогда один из них ответил мне на вопрос вопросом:

- А ты, вообще, знаешь, что такое волшебство?

- Нет.

- Первый раз встречаю такого необразованного кретина! Волшебство это... Вот, например, взять нас: мы волшебные! Мы подняты со сна волшебством, или по-другому, колдовством! Мы...

- С какого сна? - Опять не тем заинтересовался я.

Карлики помялись.

- Когда-то прежде мы были обыкновенными рюмочками, фужерами и графином! А сейчас разговариваем, как люди.

Но я, привыкший к тому, что всегда были карлики живыми и умели разговаривать, никак не мог взять в толк:

- И что в этом чудесного? Сколько я вас знаю, вы всегда вели себя как люди. Я и считаю вас людьми! Вот моё убеждение.

Главный карлик посмотрел на меня многозначительно, а другие карлики повторили это загадочное выражение на своих прозрачных и хрустальных лицах:

- Но было время, твоя мама доставала нас из коробки только по праздникам. Она нас мыла, а потом наливала в нас шампанское и фруктовую воду!

Но я никак не мог себе этого представить и, не веря им, засмеялся:

- Разыгрываете! Как из вас можно пить воду? Скажите мне на милость! И как могла брать вас в руки моя крошечная мама?

- И в этом тоже заключается колдовство! - Почти шепотом и уже совершенно серьёзно ответил главный карлик. - И больше мы ничего не смеем рассказать тебе. А то дядя узнает!

Сказать по правде, - вдруг доверительно произнёс он в самое моё слуховое отверстие, - нам было гораздо приятнее в ином, прямом своём качестве. Наше нынешнее состояние противоестественно! Но тебе этого не понять! Не понять! - Печально завершил карлик. - Что каждый в жизни должен следовать только своему главному предназначению, не отвлекаясь на второстепенное. И когда ты дойдёшь до понимания СВОЕЙ СУТИ, только тогда ты и перестанешь восхищаться своим умным дядей.

Уж поверь нам! Не такие уж мы и злые.

- Не такие уж коварные! - Подхватил другой карлик. И ему вторили голоса:

- Не такие уж сребролюбивые!...

- Не такие уж алчные!

- Это потому, что мы не настоящие карлики!

- У нас даже бород нет, как у настоящих карл!

- Твой дядя хотел приделать нам хрустальные бороды, но мы не захотели! Мы отказались! Что было бы за нелепое зрелище! Рюмка с бородой! Или графин с усами!..

- Твой дядя слишком любит всё уродовать! А нам понятие красоты не чуждо!

- И в этом мы схожи с настоящими карликами! - Раздавалось со всех сторон жалобное сетование.

Но - странное дело! Я хотя и запомнил весь этот разговор, от слова до слова, не придал ему тогда никакого значения. Должно быть, потому, что я не ведал смысла слов: “фужер”, “рюмка”, “графин”. Я никогда не пользовался ими в быту. Хотя ели мы с маленьких тарелок и пили из чашек.

Речи карликов несколько не смутили меня. Возможно потому, что дядя с малых лет внушал мне:

- Не верь карликам, чтобы они не говорили. Они любят поболтать и много врут.

И я живо вспомнил весь этот разговор с хрустальным народцем только теперь, спустя много лет. И уже по-другому к нему отнёсся. Теперь я понимал, что такое колдовство на самых злых и жестоких его примерах.

Я вдруг усвоил, что колдун всегда творит что-то противоестественное.

Он вмешивается в нормальный ход жизни и разворачивает её самой выгодной для себя стороной. Он не думает о других.

Дядя забрал глаза Живульки. Он перешёл мне, спящему, дорогу и сбил меня с прямого пути, заставив идти по окольному. Он не давал мне познавать жизнь за нашими скалами. Он, наконец, засушивал людей! Словно паук... Делал из людских тел закладки для своей Записной Книжки!.. Он отбирал у людей жизнь - что может быть противоестественнее!

Так я думал теперь. И тогда ещё одна странная мысль посетила меня внезапно: “А что если Лепетайло нарочно оставил меня у карликов?” Чтобы я

с ними поговорил?.. Он наверняка знал, что они не станут разрезать меня на кусочки, чтобы похоронить в скалах! Лепетайло что-то знает о дяде, но кот хитрый и предпочитает, чтобы за него, молчуна, говорили со мной другие!

Слишком уж быстро согласился он тогда на моё предложение подвезти меня на своей спине к Полкам. Хотя обычно он так боялся дяди, что никогда, ни разу не нарушил его запрета пускать меня одного к библиотечным книгам!

Но как, как мне раскрыть дядины карты ещё до того, как стукнет моё смертельное четырнадцати с половиной летие?

А что, если ещё раз заглянуть в Записную Книжку дяди?

В его Кабинет, конечно, просто так не войдёшь, но вход в него-то он, по крайней мере, не заколдовал. Не то, что к Двум Деревьям!

Да... Сказать по правде, я не умел читать! Понура долго учил нас, детей, своему свиньячьему алфавиту - разным там беспорядочным кривым и ломаными линиями, которые он чертил то копытом, то хвостом. Обычно на уроке свинского языка он наваливал перед нами грязи, потом месил её и всё повторял:

- Это хрюк, и это хрюк!

У него все буквы в азбуке были "хрюками". Как тут что разберешь?

Да и читали мы на свиньячем языке с трудом! Лепетайло иногда переводил то, что Понура вычерчивал своим хвостиком. Вечные жалобы на жизнь! Нечто вроде: "Паршивая, безобразная штука - жизнь! Как она опасна для нас, для свиней! Ах, как она опасна для нас, для свиней! Паршивая, безобразная штука - жизнь!" Это была одна из немногих мыслей, которые этот эгоист пытался довести до нашего ума. А мы всегда хотели знать гораздо больше!

Библиотечные же книги были написаны на дядином языке, то есть человеческом письменном. Однако мы его не знали. Дядя говорил, что это лишнее для нашего образования. Хорошо, что он сам время от времени читал нам или пересказывал своими словами книги. Как тут было не поверить каждому его слогу!

Однако надо было что-то предпринимать, и поскорее! Мои четырнадцать с половиной не за горами.

... Вот... чуть не сорвалось с моего языка: "Надо спешить, пока дядя не погубил меня!" Нет, если честно, я всё ещё не смею думать о нём, что мой враг! За что ему расправляться со мной? Когда я не сделал ему ничего плохого! Ровным счетом ничего!

Только что попытался направить свои стопы в сторону скалы с Двумя Деревьями, а ноги будто верёвкой связали!

Но дядя вовсе не заказал мне дорогу в свой Кабинет. И тут я вспомнил о Груше!

Груша, как дядина любимица, прекрасно выучилась у него человеческому письменному. Ей он почему-то полностью доверял. И я решил навестить Грушеньку. Ведь если она действительно полюбила меня, то должна мне помочь, должна. Не хочет же она, чтобы я погиб в расцвете сил? Всё-таки я ей, кажется, нравлюсь. Пыталась же она меня в прямом смысле слова охмурить.

Хотя я и уродец, китаец! Не человек даже - скелет от него. А она красавица - просто налита соком жизни! Зачем она за мною и бегаёт-то, если не для того, чтобы стать когда-нибудь королевой? А если я умру, то какой из меня король? Никакой. А из неё никакая королева.

Я и подошел к ней после уроков сегодня и сказал, мило так, по-скелетски оскаливаясь (вообще-то я старался никогда не улыбаться - слишком уж страшной была моя улыбка):

- Груша! Знаешь, я тут нашёл одну книгу. Нет, я её не в библиотеке взял. Нет. Я её нашёл в одной пещере в горах. И почти прочитал. Но я не знаю некоторых букв. Первой, второй и так далее по алфавиту до самого конца.

Если честно, я хотел её надурить, обвести вокруг пальца. Потому что всегда считал, что она глупее меня, Живульки и других. Но она лишь мило мне улыбнулась и сказала:

- Я должна сначала посоветоваться с папой! - Развернулась и пошла.

А уже через десять минут дядя вызвал меня к себе в кабинет и, грозно сверкая глазами, приказал:

- Ну-ка, быстро на горюх! Коленьями! Ты не оставил своей дурацкой привычки выведывать мои тайны? Значит, опять будешь наказан. За то, что осмеливаешься быть умником!

И он действительно поставил меня коленьями на горюх, в угол своего Кабинета. Хотя никогда не делал этого раньше. Видно, я его очень сильно разозлил. Ох, и больно же мне было! Я раз двадцать хотел возопить: "Дядя, прости меня!" Но я начинал видеть себя со стороны, вопящего и жалкого, понимал, что пощады просить некрасиво, и терпел. А когда дядя, наконец, снял меня с горюха, я долго не мог ходить. Колени были словно сломанные.

Я молча, без стопа и слёз пошёл к себе в угол и лёг там, отвернувшись от всего мира. Я не то, чтобы был на всех обижен... Я себя уже винил. Понимаете, когда все вокруг молчат и ведут себя так, словно ничего ужасного не происходит, и сам начинаешь верить в свою излишнюю подозрительность.

Вот, например, с чего это я взял, что пара глаз на веере дяди посмотрела на меня с состраданием? Какая чушь! Я это выдумал. С чего это я решил, что Живулька лишилась глаз? Она их просто закрыла. Потому что ей противно было смотреть на весь наш мир, на меня, на отца, Давию, которую она явно не любит... Просто у неё такой характер. Она ничего не хочет потерпеть. Никаких маленьких неудобств, никакой неправды. Она смириться с неправдой не желает. Вот и закрыла свои глаза. А неправды-то и нет. Она её выдумала, как я выдумал те два засохших трупа...

В общем, я уже совершенно подвёл себя к мысли, у меня были галлюцинации, что трупы мне только показались, как вдруг кто-то тронул меня за рукав. Я лежал на своей постели, как всегда в одежде. Повернулся на набок и посмотрел: это была Живулька.

- Ты чего? - Спросил я почему-то с облегчением.

- Хочешь ко мне в гости? На дереве посидеть?

Она опять была с закрытыми глазами. Но действовала так, словно не была слепа. Я, конечно же, хотел к ней в гости. Её таинственно закрытые глаза опять просто сводили меня с ума!

Но я не посмел высказать своего желания. Я промолчал, потому что боялся. Что дядя услышит меня и опять накажет.

Однако в голосе Живульки послышалось мне столь сладостное для меня сочувствие! Должно быть, до неё уже долетело, как я пострадал, и она решила меня подбодрить.

- Ничего я не хочу! - вдруг капризно вырвалось у меня, и я закусил губы, чтобы не расплакаться.

Живулька всё опять поняла. Она ничего больше не говорила, только нащупала мою руку и что-то сунула мне в неё. Я не раскрывал ладони, пока она не ушла. Но я ясно почувствовал, что это крошечный клочок толстой материи. Грубой и с волоконцами по краям. Но когда я наконец его разглядел, я понял, что это карта. Карта, которую сделала для меня и принесла мне Живулька...